

PHIHPH
H! H! H!
CMAA

Я стою под старой вишней на Восьмой станции Черноморской дороги.

С Девятой изредка сползают ужасно переполненные трамваи. Ливень согнал пляжников с моря. Ну вот, опять двадцать девятый! И опять «одинарный»! Мама ругается с трамваями и с теми, «кому делать нечего, как только из города в Черноморку переться!». Какой смысл ругаться с трамваями, набитыми потными отдыхающими? Но мама ругается с ними как бы понарошку, не всерьёз. Всерьёз мама ругается с тётёй Олей, из-за которой мы «должны тащиться в город!». Тащиться в город мы вовсе не должны. И уж совсем не из-за тётёи Оли. Мама и тётёя Оля обычно очень любят друг друга, потому что они родные сёстры. Но периодически у них «срывает резьбу», как это называет тётёи-Олин муж, дядя Коля, — и родные сёстры начинают выяснять, кто лучше живёт, кому родители больше помогли и помогают — и всякое такое, что иногда любят громко и даже с каким-то странным болезненным удовольствием повьяснять взрослые люди. Смешно, честно говоря. Хотя именно честно им лучше ничего не говорить, потому что окажешься в лучшем случае «сильно умная!», а в худшем — «плохой» или «избалованной девчонкой», что странно. Потому что как раз плохие девчонки обманывают и как раз избалованные ругаются из-за ерунды. Уже такие большие тётёи, а всё ещё считаются — кого папа и мама больше любят. Или вот: что у моей мамы старое пальто, а у тётёи Оли — новая шуба. Как глупые маленькие девочки! Впрочем, сколько себя помню — наблюдаю: мир несправедлив. Прекрасен,

но несправедлив. В смысле, мир сам по себе — прекрасен. А мир людей — несправедлив и ещё... Как его?.. Нелогичен, вот! Логика — это такая справедливая последовательность. Например: если ты сажал редиску, то тебе её первым и есть. Но ничего подобного! Ты посадил редиску, а первым её ест твой двоюродный брат, не имевший к посадке редиски никакого отношения. А тебе ещё и говорят: «Ну чего ты ревёшь?! Ты же любишь сажать редиску!» Вообще-то, ты её ещё и есть любишь. Но ты живёшь и тут, и в городе. А двоюродный брат живёт только тут. И ты любишь сажать редиску. А он — нет. Он её любит только есть. И на твой справедливый рёв возмущения нелогичностью этого мира тебе же ещё и несправедливо замечают: «Ну чего ты ревёшь?!» Глупые какие! От обиды, конечно. Но если им сказать: «От обиды, конечно!» — они так и начинают покатываться с хохоту. И затем говорить: «Тебе что, редиски братику жалко?! Да этой редиски будет и будет — ещё надоест!» И очень хочется сказать: «Да! Жалко! Жалко мною посаженной редиски для не сажавшего её двоюродного братика!» Во всяком случае, первой. Вот когда «будет и будет» — пусть ест на здоровье. А первой — самой первой! — редиски никогда уже больше не будет! Потому что самую первую, необыкновенную редиску, которой никогда-никогда больше не будет, сожрал твой мерзкий двоюродный брат. Ты что-то делаешь — и тебя же стыдят. Двоюродный брат не делает ничего — и его защищают. Вот это и есть несправедливая нелогичность, которой полон мир людей. Но не сам по себе мир. Хотя, если разобраться... Идёшь на море в прекрасном настроении — а там вода холодная! Но мир без людей не говорит: «Тебе что, холодной воды морю жалко?!» Да и не ты туда воду наливала. Так что если разобраться — мир без людей пусть и не слишком логичен, но хотя бы справедлив. Как минимум — не несправедлив.

— Не ешь вишнёвую смолу!

Ну конечно! Сейчас не только ливень и отдыхающие таким странным способом — толкаясь в набитых трамваях — будут

виноваты в том, что мама повздорила с тётёй Олей. Сейчас и я, и вишнёвая смола, и даже само по себе небо без ливня — будут в этом виноваты. И хорошо бы только в этом!

— Мама, а я читала, что всякие аборигены разных там островов и амазонок так зубы чистят — жуя смолу. Или расщеплённой палочкой.

— Читать выучилась на мою голову! — ворчит мама уже не так зло.

Вообще-то, мама гордится тем, что я на её голову выучилась читать. И уже давно — два года назад. Мама обыкновенно всем хвастает, что я уже два года как выучилась читать, а мой двоюродный брат до сих пор даже буквы не знает. Тётя Оля на неё за это обижается, потому что хвастает мама моим ранним чтением в основном при гостях. Мне дают «Правду», или «Известия», или «Учительскую газету» — и я читаю вслух передовицу. А у гостей такие выражения лиц, как будто они уксусу хлебнули, но при этом улыбаются. Наверное, чтобы не сесть в лужу. Я как-то раз сама хлебнула уксусу, чтобы понять про это вот: «Как будто уксусу хлебнул!» Выражение своего лица я не видела, но было страшно кисло. И тут в кухню вошла бабушка! А я стою с бутылкой уксуса. Во рту противно. Но я сразу улыбнулась.

— Желудок сожжёшь! — ахнула бабушка и отобрала у меня бутылку.

Странно. Что-то сжечь можно только спичками. Спичками, поднесёнными к чему-то сухому. А уксус — он мокрый. Желудок — вообще внутри, до него зажжённую спичку не донесёшь, она во рту погаснет. Я опыт поставила. Уже после уксуса. На двоюродном братике, разумеется. Сама я спичек боюсь. Я ему сказала зажечь спичку и засунуть её в рот. Он почти ничего не умеет, этот отвратительный двоюродный брат, а спички зажигать — умеет. Ещё всё ломать и рушить умеет. И мусорить. И лопать посаженную мною редиску! И вот он целый коробок извёл — спички во рту гасли, а желудок так

и не загорался. Жаль. Если бы у него сгорел желудок или хотя бы рот, он бы не ел мою первую редиску. Мою! Потому что кто сажает — того и редиска!

В общем, выражение «как уксусу хлебнул» — это кислое выражение, насколько я из личного эксперимента с уксусом поняла. Вот с таким выражением гости и слушали, как я читаю передовицы. В передовицах (передовица — это такая статья, что у газеты спереди) — скучные бессмысленные слова. Так что гостей я понять могу, но в детских книжках или даже в моей любимой теперешней дедовской книге «К другим Тассили» — шрифт слишком крупный для того, чтобы мама мною гордилась. А в передовицах он как раз такой — подходящий для маминой гордости. Наверное, именно поэтому мелко и печатают — всё равно скукотища страшная, никто не читает, чего зря много места переводить? Гости кисло выслушивают — я всегда стараюсь побыстрее прочитать, чтобы они не мучились. А затем преувеличенно восторженно хвалят, как будто я не девочка, а глупая собачка. Один раз я как-то поверила, что хвалят от души, и одного дяденьку, что аж в ладоши хлопал, спрашиваю:

— А хотите, я вам прочитаю про Та-н-Тартаит и И-н-Итинен, раз вам так понравилось, как я читаю?

Дяденька мне отвечает вопросом на вопрос:

— Ой, а это ты сама такую тарабарщину выдумала?

— Да нет же! — говорю ему. — Это из «К другим Тассили».

— Зачем же это к другим тассили? Тассить — так уж к своим! И что, дотассили или не дотассили? — захохотал дяденька, жутко довольный собой. Потому что другие гости за столом тоже захотали.

Этот дурак подумал, что я букву «щ» не выговариваю. Взрослые люди иногда ужасные дураки. Даже чаще всего! Вот отчего это: «Не ешь смолу!»? А вот оттого это: потому что маме так захотелось. И потому что взрослые могут захотеть для детей чего только

им, взрослым, заблагорассудится. И ничего дети с этим их взрослым захотением сделать не смогут. Пока не вырастут. Иногда и когда вырастут — не смогут. Вот хочет дедушка, чтобы все сидели вечером за столом, а у тётки Оли голова болит. И что? И всё равно она идёт за стол, потому что дедушка — тиран и диктатор. Так тётка Оля и мама говорят, когда дедушка не слышит. Как по-моему, так дедушка никакой не тиран. И не диктатор. Если честно — по-моему, — так и никакая голова у тётки Оли не болит. Просто она так говорит, чтобы дедушка не то оценил её подвиг, не то мучился совестью: у его дочери голова болит, а она всё равно за стол идёт. Но честно с ними нельзя — это надо помнить. Хотя дедушка честно-честно всё знает. И то, что они про него говорят, что он тиран и диктатор, когда он не слышит. И то, что у тётки Оли голова болит не потому что болит, а чтобы дедушка оценил подвиг и мучился совестью. А он не ценит и не мучается. Потому что всё про них знает. Моя мама или умнее, или трусливее. Потому что у неё недалеко от дедушки голова никогда не болит. При папе — сколько угодно. При дедушке — ни разу. И ещё она с дедушкой никогда не скандалит, как тётка Оля. Потому что переорать дедушку невозможно. Так зачем горло драть? Кстати, «драть горло» — это не фигура речи. Если громко орать, то горло по-настоящему дерётся. Я однажды попробовала очень громко орать — и охрипла, потому что горло подралось. То есть сначала мы с моим двоюродным братом подрались — мы часто дерёмся, но тогда подрались очень серьёзно, — и я стала так орать, что даже горло подралось и я охрипла. Вообще-то я сильнее двоюродного брата и легко могу его побить. Но когда я его бью — мне всегда влетает. Не в том смысле, что меня кто-то бьёт — меня никто никогда не бьёт, даже по их понарошковой попе. Но мне влетает долго и занудно — словами. Долгими и занудными мамиными словами про то, что я умнее и должна уступать. Почему же это те, кто умнее, должны всегда уступать?! А если мой двоюродный брат меня убить захочет? Так я что, оттого что умнее, должна ему уступить — и пусть убивает? Тогда все умные вымрут и на свете останутся только те, кто глупее. Потому что умные от большого ума взяли да и уступили.

Я дедушку спросила, должны ли умные уступать. И что же он ответил? Дедушка ответил, что не всегда! Мама мне постоянно говорит про то, что она старше и умнее меня (хотя сама мне никогда не уступает, ха-ха!). А дедушка старше и умнее мамы (и, кстати, он мне частенько уступает). Короче, мир состоит из очевидных противоречий. Для дураков. Для тех, кто умнее, — если покопаться, то некоторая логика и последовательность обнаружатся. И значит, справедливость есть. Но только не для маленьких. Не знаю, есть ли она для больших. Много раз спрашивала. Папа начинал бубнить свою бубню. Мама наказывала отстать с глупостями. А дедушка говорил, что справедливости нет, потому что то, что для кого-то справедливость, для другого — вопиющее наоборот. Мне очень тогда понравилось это выражение, и я его несколько дней повторяла. Мама меня спросит: «Хочешь молока?» А я ей: «Вопиющее наоборот! Хочу кефира!» А папа говорил, что кефир молоку вовсе не вопиющее наоборот, а продукт брожения. Вообразить себе не могу, где мог бродить кефир, но папа хоть и нудный, кое-что об этом свете знает. И раз он говорит, что кефир бродит, — значит, где-то этот кефир бродит. Хотя когда бродит молоко — получается вовсе не кефир, а простокваша. Ни у кого нет точных, коротких и понятных объяснений существующим знаниям. До всего самой приходится доходить. Бродить, бродить — и доходить. И когда сам добрёл, то понимаешь, что вопиющее наоборот молоку действительно вовсе не кефир, а кусок смолы. Только не вишнёвой, а строительной. Такой, что сперва варят в чанах на стройках, а потом её застывшие куски долго валяются вокруг этихстроек. Молоко — белое и жидкое, и съедобное. Строительная смола, которая уже не в чанах, — чёрная, твёрдая и несъедобная. Так что вскоре я перестала говорить про «вопиющее наоборот» слишком часто. И употребляла только по делу. Когда меня спрашивали, например, не хочу ли я с двоюродным братиком поиграть. Вот тут я всегда была готова на самое вопиющее наоборот, вплоть до с совершенно чужим взрослым человеком посерьёзничать.

— Где ты опять летаешь?! Ну что за рассеянный ребёнок?! Не ешь смолу! И в карман не клади! Вечно натащишь домой муравьёв, а я потом их выводи.

Вовсе не вечно, а только летом. Если бы лето было вечно, как в Сахаре, — мамины слова были бы справедливы. Но в Сахаре наверняка нет старых вишен. Во всяком случае, в моей текущей любимой дедовой книге ничего нет про старые вишни. Зато там много цветных картинок, карт — которые тоже не что иное, как красивые картинки, но по ним ещё, в отличие от просто картинок, можно много чего найти. Есть непонятные слова, которые приятно понимать, узнавая. И даже целые забавные предложения. Например: *«Кажется, я вам кое-что обещал, но я тогда был не бог весть кто; теперь я министр и могу исполнить обещание»*. Если такие предложения запоминать, они бывают очень полезными. Например, когда мама не разрешает навестить Серёжку. Маме надо сказать: «Я обещала навестить Серёжку!» Мама ответит: «Нечего тебе делать в больнице!» После этого надо сделать вид, что вот-вот расплачешься, — такой вид делать нетрудно, когда на самом деле вот-вот расплачешься, — и сказать маме: «Но я же обещала!» Мама скажет: «Мало ли кто кому и чего обещал!» Тогда надо на самом деле расплакаться и поверх льющихся слёз чётко процитировать (цитировать — это в точности пересказывать чужие умные слова): *«Кажется, я вам кое-что обещал, но я тогда был не бог весть кто; теперь я министр и могу исполнить обещание»*. А потом ещё больше расплакаться и, перед тем как перейти на надрывный рёв, сказать маме: «Боюсь, Серёжка не будет жить до тех пор, когда я из невесть кого стану министром! Вы с тётёй Олей постоянно шепчетесь, что он не жилец!» — и после этого рыдать взахлёб. Мама грустно улыбнётся и скажет: «Ладно, я подумаю!» И даже добавит: «Ты хорошая девочка. Иди».

Взрослые, когда не идут с нами, детьми, всё время хотят, чтобы мы куда-то шли. В комнату. На улицу. За стол. На бережок. С бережка. В воду. Из воды. Как будто, когда мы не идём рядом со взрослыми, мы им страшно мешаем уже только тем, что находимся рядом, не идя.

Содержание

Вишнёвая смола	5
Мотоцикл	91
Предательство	125
Квартирный вопрос	171